

Сергей Усков

КНИГА 1

Русская
ось
колеса

САНСАРЫ

Сергей Усков

Русская ось колеса Сансары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371298

Русская ось колеса Сансары / Сергей Усков: Э.РА; Москва; 2013

ISBN 978-5-000390-17-7

Аннотация

Книга «Русская ось колеса Сансары» – первый роман Сергея Ускова, более четверти века проработавшего на уникальных предприятиях секретного атомного царства. Все это ныне ставится на коммерческие рельсы с выстраиванием новых социально-производственных отношений. Лакомый кусок народной собственности, так долго оберегавшийся от различных способов «прихватизации», становится предметом торгов и средством личного обогащения.. Что происходит в душах сотен и тысяч людей, создавшими этот «лакомый кусок», изначально ориентированных на высокие идеалы жизни, которым когда-то советская страна дала задание построить лучшее в мире производство, и которые эту задачу выполнили? Каким богатством наполнять себя их потомкам? Как не растерять себя среди наплыва искаженных форм либеральных демократических ценностей? Как раз об этом трилогия «Русская ось колеса Сансары». Жанр произведения – социально-эзотерический роман, в котором редкостный жизненный материал огранен с использованием изящных форм словесности и соотнесен с тем

самым вечным тайным знанием о сути всего и вся, что стирает границы между прошлым, настоящим и будущим.

Книга рассчитана на широкий круг взрослых читателей.

Содержание

Книга 1	5
1. Две роковые родинки	6
2. Неожиданный Сен-Санс	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Усков

Русская ось колеса Сансары

*– А ты слыхала про тибетское колесо Сансары?
Оно постоянно вращается, и все наши чувства
и ценности оказываются то внизу, то наверху.
То сверкают на солнце, то утопают во тьме.
И только настоящая любовь – ось этого колеса;
а потому не движется с места.*

*– С ума сойти... – восхищенно пробормотала
Аюми. – Колесо Сансары; говоришь?*

*И допила свой бокал до дна...
Харуки Мураками. «1Q84»*

Книга 1

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ МАСТЕР

*«...признак усовершенствованного человека...
должен быть в том; что по отношению ко
всему происходящему вне его он способен... играть
в совершенстве роль, соответствующую данной
ситуации; но в то же время никогда не сливаться и
не соглашаться с ней».*

Г. И. Гурджиев

1. Две роковые родинки

И зачем она устроилась работать в офис предприятия «Ураниумспецсервис»?

Специальных знаний нет. Образование у нее – да, высшее. Причем настолько высшее, что уместно добавить: высшее мифическое. Потому что студенческая зачетка голубицей сизокрылой летала от одного препода к другому, и те с каким-то садомазохистским удовольствием собственноручно пороли себя, выводя в ароматной книжице-зачетке четким каллиграфическом почерком не иначе как «хорошо» и «отлично», получая незамедлительное смс-сообщение об адекватном пополнении счета за качественную и своевременную работу по подготовке сногшибательного кадра для реанимируемого российского производства.

Тем, которые сомневались в действенности выбранной очно-заочной формы образования, смелая девушка помогала развеять недоразумения по поводу своего вечного отсутствия на лекциях: знания приходят разными путями, порой несколько часов близкого общения равнозначны полуобморочному семестру в душных аудиториях.

Разве не так?

А если легким поцелуем прошлифовать гранит науки совместно с ее представителем, алым язычком разгладить шероховатости понимания заумного и переродить заумное просто

– в умное, что пригодится по жизни?.. Знания тогда входят в плоть и кровь. И что вообще означает «знание»? Это, между прочим, развиваемая способность добиваться поставленной цели, оперируя множеством аргументов.

Она была красива. И это был основной аргумент. Ее фигура была сплетением прихотливых изгибов, и взгляд метался, терялся, разрешая вечную загадку телесной красоты, подкрепленной недвусмысленным апломбом, который, быть может, и лежал в основе ее чрезвычайной привлекательности. Лера – так звучит ее имя – обладала в мере чуть большей всем тем, что должна иметь стильная красавица:

- длинные стройные ноги (есть! плюс шелковая, приятная для мужской ладони, нежнейшая кожа);

- тонкая лебединая шея (есть! плюс врожденное изящество движений бесподобной головки с личиком и волосами, достойными отдельных дифирамбов);

- умопомрачительная талия (есть! плюс обалденный диссонанс легкой округлости вздрагивающего животика с крепким, как две развернутые доли ядра феноменального ореха ягодичным массивом сокровенных прелестей)...

Над личиком Леры поколдовали визажисты, пожалуй, лучшего салона красоты. Здесь просвещенные тайнами своего ремесла коллеги-косметологи могли бы подискутировать, выявить, быть может, ряд практикующихся процедур, и что в конкретном случае удачно дополнило натуральную краси-

вость.

Прическа и цвет волос менялись с какой-то странной периодичностью, укладывающейся, впрочем, в фазы месячного женского цикла – это уж потом Василий допетрил, когда красotka позволила рассмотреть свои прелести поближе...

В офисе ей определили комнату на двоих с пожилым мужчиной, счастливым супругом, отцом, дедом. Поначалу ее посадили к работникам женского пола, но тут же начались конфликты. Лера не могла даже смотреть без сожаления на нечаянных коллег. Ну, как можно именоваться женщиной и не быть таковыми на самом деле?! Ни прически, ни умело подобранной одежды, ни умение пользоваться косметикой – ничего путного, ничего не взято из аксессуара уважающей и любящей себя женщины! Так, клуши-идиотки, которые привязали к себе полудебильных мужиков развитым домашним хозяйством.

Она из чувства сострадания попробовала их мягко поучить. Разобрала по косточкам одежду, эмоционально донесла до них новые веяния из мира моды. Терпеливо разъясняла, как внести разнообразие в свой облик, не тратясь уж слишком. Демонстрировала искусство макияжа. Предлагала коллекционный набор запахов, ароматов, духов что ли, – как кому угодно именовать то, что вносит необычное в образ преподносимый окружающим, и прежде всего – мужчинам. Потому что, если Бог создал человека, то мужчину из него сделала женщина, которой в свою очередь раскрыл гла-

за первый оппозиционер и возомнивший о себе конкурент всему сущему... ну, не будем называть его имя: не ровен час придет и за нашей душой, которая жаждет продолжения жизни в другом измерении и шаг за шагом постигает таинство, как стать избранным для загадочной вечности из тьмы званных...

– А как же любовь? – как-то раз пикнула Настя, обыкновенная молодушка, мамаша двоих детей – учеников начальных классов, и добропорядочная жена, устав слушать Леру, и когда они остались вдвоем.

– Нэ понимэ. Поконкретнее. О чем ты? – заинтересовалась Лера.

– Как! О любви. К чему все эти понты, которые ты расписываешь? Заметят тебя, выберут, пригласят, а дальше... Дальше должна быть любовь.

– Ага! Ходить лунными ночами и взращивать цветок любви... Чушь! Любви нет. Даже не надейся отыскать. Запомни: любви нет. Нельзя отыскать, чего нет!

– Я же нашла.

– Ты нашла мужа, а не любовь.

– Разве это не одно и то же!?

– Знаешь, если ты начнешь меня парить, что умрешь, если застукаешь благоверного с другой – не надейся, не поверю ни за что.

– Мой не сможет мне изменить!

– Слушай, не зарекайся, да и не заморачивайся об этом. Не знаешь, не ведаешь, куда твой муженек похаживает – и не надо! Чем меньше знаешь – тем крепче семейные узы!

– Мой ни-ког-да, ни при каких обстоятельствах мне не изменит!

– Да разве это – измена?! Ну, встряхнется твой мужичок разок с другой. Ну и что? Убудет что ли с него??

– С одной, завтра – с другой. Загуляет мужик!

– Раз так – туда ему и дорога. Зачем за такого держаться?

– Потому что мы любим друг друга.

– Заело у тебя! Давай проверим твоего? Не пройдет и недели, как он переспит со мной. Не получится – я вырву свои наращенные ресницы и выброшу в мусор все свою косметику. Я даже одеваться как следует не буду... Оденусь чушкой-простушкой, как ты. И все равно он клюнет.

– Ладно, – согласилась Настя. – Ты о себе слишком высокого мнения.

Лера понимала: оденься она суперстильно – мужлан Настин почувствует свою ущербность, и будет сложнее раскручивать его на контакт. Она как-то видела их вместе. Благоверный муж поджидал свою благоверную в допотопном идиотском автомобиле. Не целуются при встрече. Гм. Да и встречает, не выходя из автомобиля.

«Наш клиент, – подумала Лера и плотоядно улыбнулась. – Какие у него интересы: футбол-хоккей? (прикинуть фанат-

кой того же клуба) Рыбалка? (буду рыбачкой) А вообще – че раздумывать, может, он готов давно к случайной связи на стороне, благо телевидение (всевозможные ток-шоу, скандальные телеведущие) помогает нам, подготавливает народ к реальному разврату граждан по отдельности».

– Славик! – крикнула Настя мужу, выходя из магазина с огромной сумкой, набитой продуктами. – Чего расселся, как пень, иди, помоги!

Пока Славик вышагивал к Насте, невесть откуда вынырнула Лера, схватилась за ручки продуктовой сумки и с натуральным беспокойством сказала:

– Давай-давай помогу, Настюша. Смотри, сыплется из сумки. – Из сумки действительно посыпалось, когда Лера преднамеренно сильно дернула за ручку. Тут же присела и стала собирать рассыпавшиеся продукты.

Подскочил Славик и также стал собирать, а сам скосил взгляд на стройные ножки, которые тут же шевельнулись и как будто невзначай коснулись его руки.

– Привет! – улыбнулась ему Лера. – Вот так всегда! Хочу помочь – и не получается. Пакет с молоком порвался (она его проколола), творог рассыпался (с помощью Леры). Детишки голодными останутся...

– Да вы не расстраиваетесь, девушка. Купим счас снова!

– Ну, нет-нет. Как же так! Я рассыпала, я и куплю. Подождите минуточку, я сбегаю в магазин! – Она решительно на-

правилась в магазин, из которого только что вышла Настя. Славик побежал за ней. По мере того, как он приближался, походка ее становилась все более сексапильной.

– Куда ты! – крикнула вдогонку Настя и, скривившись от тяжести, потащила сумку в автомашину, кляня себя, что сразу не взяла с собой мужа: ему, видите ли, захотелось дослушать новости с футбольного чемпионата. Вот олух!

А в магазине у витрины с молоком Лера ровно опешила перед десятком сортов молока, не зная, какой выбрать. Подскочивший Славик схватил первый попавшийся пакет.

– Ну, нет. Так нельзя, не глядя! – одернула его Лера. – Посмотрите дату выпуска, вдруг просрочено. Состав продукта также проверить необходимо. Вдруг и не молоко совсем. Нет ли генномодифицированных добавок – тоже проверить, о чем должна быть пометка. Ведь детишкам своим покупаете! Давайте прочитаем, что на упаковке. Кто производитель, из какого региона привезен. Вспомним, не было ли там техногенных аварий...

Лера подошла к нему так близко, что он мог ощутить всеми органами чувств ее нежную упругую грудь. По тому, как он сглотнул слюну, Лера про себя отметила, что первую цель она выполнила.

– По-моему, не здесь читаешь. Переверни пакет. Расправь, что там внизу, какая дата? Называй цифры по порядку, – командовала Лера, наслаждаясь властью.

– Тринадцать, точка, два нуля, восемь, точка.

– Ага! Молоко разлито такого-то дня в такой-то час. Но сохранность любого продукта гарантируется правильными условиями хранения... Что-то я не вижу температуру охлаждаемого прилавка. Не подзвать ли нам работника магазина, чтобы он ответил на наши вопросы по качеству продукта. Нельзя позволять себя дурачить!

– Да ладно, лучше тебя никто не скажет.

– Ты уверен, что лучше меня никого нет?... В выборе продуктов, как, может быть, и в другом?..

Они посмотрели друг другу в лицо. И вдруг Лера подмигнула одним глазом, потом точно так же – другим.

– Ва! Как классно у тебя получается!

– Можешь так?

Славик попробовал подмигнуть также поочередно, но у него не получилось. Они рассмеялись, как давние знакомые. Лера еще раз продемонстрировала ему свое умение, похлопав поочередно глазами, при этом длинные наращенные ресницы колебались, как шторы, показывая ровно на мгновение нечто сладостно-запретное.

У кассы Лера взяла, словно невзначай, коробочку презервативов, покрутила в руках – якобы что-то в надписях привлекло ее. Она рассмеялась и сказала на ухо Славику:

– Давай попробуем. Тут всего три. И все разного цвета и исполнения! – Славик засопел и оглянулся воровато.

– Да не здесь же, конечно! Отвези жену домой. Я вон там, на той скамеечке тебя подожду. Скажешь жене, что насадку

для рыбалки надо купить. Завтра же суббота. Я знаю, что вы компанией на озера ездите. Так что она ничего не заподозрит. Или не будем брать?..

И, увидев в его глазах колебание, решительно положила в продуктовую корзину эту визитную карточку запретной любви, тут же пояснив Славику:

– Просто, ты мне нравишься. Ты настоящий мужчина. Таких сейчас редко встретишь. А я одна, у меня пока никого нет... Уже не могу терпеть, представляешь! Было у тебя такое? Мне и надо-то всего капельку. Так, легкий флирт... Значит, договорились? Я вон той скамеечке посижу. Смотри, не опаздывай. Тебе времени всего полчаса, и я просто-напросто пойду домой...

...В понедельник утро рабочего дня началось обычно. Лера первые пятнадцать минут рабочего времени приводила себя в порядок: корректировала макияж, подбирала в тон платью помаду, разглаживала специальной щеточкой ресницы. Настя, сидевшая напротив, зевала и протирала заспанные глаза, ровно вслепую раскладывала на столе документы, с которыми сегодня должна поработать, и что-то старалась вспомнить.

– Ну, как выходные, коллега? – как бы между прочим спросила Лера, разглядывая брови в зеркальце.

– На даче грядки полола. Трава так и прет. Надо успевать, скоро ягоды пойдут, огурчики на подходе. Заготовки делать

надо начинать.

– Одна пластаешься?

– Да ты что!?! При живом-то муже – одна! Славка у меня так же полет и с лейкой бегают. Дочки помогают... Славка, правда, в субботу на рыбалку с друзьями ездил... Двенадцать килограмм рыбы привез! Окуньки да лещи! Крупные, жирные, как на подбор, – с гордостью сказала Настя.

– А еще что-нибудь привез? – невозмутимо продолжала допытываться модная красавица.

– Что еще может привезти? – недоумевала Настюша, пожимая плечами.

– Трипперок, например... Для начала.

– Что!!??

– Да это я так, к слову. Ты не циклился на этом.

– Он у меня под контролем. Для меня он прозрачный, как стеклышко.

– Только у этого стеклышка есть две непрозрачные маленькие родинки.

– Чево ты опять?!

– Две маленькие родинки на хорошем пенисе у стеклышка твоего есть. В пятницу вечером ими полюбовалась. Особенно они хороши на нем, когда мальчик у твоего мальчика напряжен и готов лопнуть от желания... Что ж ты муженька на голодном пайке держишь?!

– Да врешь ты все! Никаких родинок у него там нет, – покраснела Настя и припомнила: «А ведь и вправду есть, но

только одна».

– Вспомнила? Скажи честно: есть или нет?

– Ну, вроде есть... одна.

– Их две. Красивые родинки на алой головке. Одна сверху, чуть слева и едва ли не посередине, вторая, поменьше, снизу, у самой уздечки! – Лера оторвалась от своего занятия, плотоядно улыбнулась и звонко рассмеялась. – Я выполнила то, что говорила. Не зарекайся. ЛЮБВИ НЕТ! Это глупые бредни. Ты еще глянь на его коленки. Он их в кровь стер, стоя на коленках в известной позе и стараясь показать все свое мужскую упорство в известном блюзе двух голых тел.

– Ты меня разыгрываешь... – не верила такому коварству Настя.

– Вечером посмотри внимательно на своего благоверного... Надлежит быть повнимательнее, чтобы не узнавать интимные подробности от подруг. Я бы тебе еще насказала, да не буду травмировать тебя, твою простецкую психику.

– Какая ты мне подруга!?! Ты – стерва, змея подколодная! – и Настя в слезах выбежала из рабочей комнаты.

А появилась только спустя полтора часа.

Она вошла с горящими ненавистью глазами, грузно направилась к обидчице твердым чеканным шагом, замахнулась и – и взвыла от боли. Предупреждая пощечину, Лера отработанным движением пнула острым носком модельной туфельки в голень, ближе к коленному суставу. Видимо, она уже бывала в подобных передрягах, и знала, что такое пра-

ведный гнев обманутой супруги.

– Вон отсюда! Вон! Я тебе говорю! – сквозь боль и хлынувшие слезы выкрикнула Настя, плюхнулась на стул и стала растирать ногу. Горячие слезы капали на эту же ногу, вскоре нога стала такая мокрая, как и лицо. Слезы жгли несмываемым позором. Впервые ей было так обидно и горько.

– Дура! Что, сбегала к ненаглядному?.. Представляю, что там у вас было! Рассмотрела писюлечку?! А коленки смазала зеленкой? – она расхохоталась и, покачивая соблазнительными бедрами, вышла из комнаты.

Выйти-то вышла, и приостановилась, аккуратно затворив дверь. Рабочий день в разгаре, из-за таких дурищ собственное производственное задание под срывом. Минуту поразмыслив, она пофланировала в секретариат, где пощебетала с двумя прикольными (для нее) секретаршами и накатала, снова как бы между прочим, докладную записку начальнику отдела: «Такая-сякая вследствие семейных неурядиц создает нервозную обстановку, нерабочую ситуацию, не дает плодотворно работать. Только что меня оскорбила... Прошу оперативно разобраться и принять соответствующие меры».

Написала, прочитала, усмехнулась и с удовольствием положила в почтовую папочку начальнику. Тут же упростила секретаря занести папку, так как дело у нее срочное и отлагательства не терпит.

Начальник вскоре вызвал обеих к себе.

Две ошетинившиеся кошки готовы были пустить в дей-

ствие острые когти прямо при нем. Одна с холодным блеском насмешливых глаз, другая – с затаенной болью и нарастающим горем. Установив причину конфликта: женские склоки в рабочее время, он, представительный мужчина среднего возраста, с проблесками раннего серебра в красивой шевелюре выующихся и аккуратно постриженных волос, усмехнулся себе в ус и, как властью оделенный, нахмурился озабоченно. После короткого раздумья твердым голосом объявил решение: обеих лишить премии за месяц (а это треть зарплаты), и пересадить Леру в другую комнату. И – никаких разборок.

При выходе из кабинета Лера еще раз продемонстрировала свою сообразительность и умение обращать все в свою пользу.

Она нарочито быстро шагнула в проем двери кабинета и прижала Настю к косяку, злорадно и презрительно сощурившись. Бедная посрамленная жена с силой оттолкнула от себя Леру, которая, тут же схватившись за якобы ушибленное колено, обратилась к грозному шефу:

– Прошу зафиксировать виновника конфликта и лишить премии только ее! Иначе прошу засвидетельствовать несчастный случай на производстве без потери трудоспособности. Или даже с потерей. Доктора мне! Докторааа!

Начальник не смог не согласиться, и оставил в силе одну – вторую – часть распоряжения относительно драчки офисной красотки и стопудовой супружницы: пересадить Леру в

другую служебную комнату, а Настю лишить дополнительно и части годового вознаграждения (это еще треть зарплаты). Если доктора запросит Настя, то это никак не выльется в несчастный случай на производстве, чего как огня бояться все без исключения начальники.

Так Лера стала делить свою рабочую комнату с безнадежно пожилым мужчиной, счастливым отцом, мужем, дедом. Она также предварила рабочий день пятнадцатиминутной косметической процедурой и поглядывала вполглаза на нового коллегу, то ли прицениваясь, то ли размышляя над новым поворотом судьбы.

Что чему причина? Она записала в блокноте какого дня это произошло, в каком часу, и какой был день недели – и, словно просвещенный магистр магических наук, искала тайный знак. Искала ключ к пониманию жизненной ситуации.

Она верила в темную и светлую магию цифр, знаков, примет. Дома среди небольшого количества книг были и такие: Мэнли П. Холл «Энциклопедическое изложение масонской, герметической каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» и двухтомник доктора Папус «Практическая магия» (репринтное издание 1912 года). Лера, отрицая любовь к мужчинам в обычном ее понимании, страшно как любила полистать эти книги, вглядываясь в символические рисунки и штудировав тексты двухтомника.

Она находила много соответствий прочитанному в реаль-

ной жизни. Размышляя о происшедшем инциденте с Настей она, прежде всего, недоумевала: разве она хотела как-то уязвить, насолить, сделать больно? Нет! Она высказала свою точку зрения и проиллюстрировала жизненным действием. И это дурочка взбунтовалась. Против кого и чего?!

Книга, выпущенная в прошлом веке и вобравшая в творческой переработке древние магические манускрипты, являющаяся художественным переводом знаменитого сочинения доктора Энкоса, была, по существу, отличным учебником, как магически влиять на внешний мир (прежде, правда, изучив и усовершенствовав свой организм и развив волю). Сразу следует обозначить краеугольный камень учебного пособия. Магия не делает ничего сверхъестественного – она ускоряет нормальный ход явлений в природе живых существ. Магия – суть и методы применения усовершенствованной, «динамизированной» человеческой воли для ускорения развития живых сил природы. И главное: прежде, чем управлять силой, заключенной во внешнем живом существе, – будь то человек, животное, растение, необходимо научиться управлять самим собой – без этого бесполезны все молитвы, заклинания, магические формулы...

Она так же, как индийские факиры (это было одно из упражнений учебника), развила способность владеть гиперфизическими силами. Она ставила горшок с растением с тугим бутонем перед собой, сидящей голой на полу, и направляла на цветок свой взгляд вместе с указующими пальцами

рук. Застывала и немела в этой позе, концентрируя себя и генерируя те самые загадочные флюиды, которые здесь мощным потоком устремлялись к цветку. По прошествии некоторого времени, измеряемого часами, бутоны распускались, рождая цветок, который, едва только расправив лепестки, тут же никнул. Лера возвращалась в свое первоначальное состояние и видела растение с осыпавшимися лепестками. Это ее озадачивало: какой силы в ней больше? Темной? Светлой? Засохни цветок сразу – сомнений бы не было. А тут...

Первое время на новом рабочем месте Лера сидела тихо, как мышка, которая не решается выйти из норки; но любопытство перебарывало, и ей снова хотелось переродиться из серой мышки в грациозную львицу, адепта развиваемой воли.

Она пристально обращала на коллегу воистину магический взор. Она, владеющая методикой динамизации своей воли, примеривалась к пожилому мужчине, как к невольной мишени, еще не зная, что из этого поворота судьбы следует извлечь: или позабавиться, поупражняться в материализации своих желаний, или качественно обогатить себя чем-то, доселе ей неизвестным.

Как-то она подошла близко к коллеге, чтобы ощутить кожей флюиды его внутренней психической составляющей. Ее взор из рассеянного постепенно концентрировался, прояснялся и наполнялся неведомой силой. И ровно как вспыш-

ка молнии озарила их лица. Ошеломленная Лера отпрянула назад – на тонком с горбинкой носе сослуживца она увидела две маленькие роковые родинки. Точно такие же, как у Настиного супруга. Одна из них чуть больше на гребне горбинки носа, другая, поменьше – на краю его основания. Только здесь родинки разместились на носу.

– Вы испачкались, – с обаятельной улыбкой сказала она. – Посмотрите в зеркало. У вас на носу два пятнышка, наверное, от тонера ксерокса. У вас... или теперь у нас всегда так мажет ксерокс?

Владимир Владимирович взглянул в зеркало, тут же предложенное Лерой.

– Это родинки. Они почему-то темнее остальных. Странно даже... У вас острый взгляд, никто мне об этом не прежде говорил... Но что тут особенного? Есть и есть...

– Да не скажите, – мягко возразила Лера и плотоядно улыбнулась. – Не хотите попробовать настоящий чай Сяй Чжун с горы Чжэн Шань? Так сказать, в ознаменование нашего соседства в этом казенном помещении. Поговорим о китайской чайной церемонии...

2. Неожиданный Сен-Санс

По прошествии недели обживания нового служебного пространства, Лера, как ни в чем не бывало, собрала чашечки и блюдечки, свои и любезно – Веэв (Владимира Владимировича), после входящих в обиход совместных краткосрочных сессий чайных церемоний и, по обыкновению наслаждаясь довольством собой с одновременной практикой «разделенного внимания», плавно поплыла в комнату приема пищи, чтобы помыть чайную посуду. Неожиданно резко пахнулась дверь точно такой же рабочей комнаты, и выскочил взъерошенный молодой человек в сером элегантном костюме, в котором бордовые полосы верно сочетались с такого же оттенка галстуком на фоне белейшей рубашки.

– Простите, я вас, кажется, напугал.

– Меня напугать невозможно, – безапелляционно и четко ответила Лера и устремила глаза на табличку, закрепленную на дверях за спиной нового знакомого: «инженер-конструктор».

– Почему? – искренне удивился молодой инженер-конструктор.

– Потому что я ничего не боюсь.

– Любопытно! Красивая девушка. Безупречный, я бы сказал, эталон женской красоты. Вдобавок и черный пояс по самбо имеете?

– Что я имею, то не скажу, – она удостоила собеседника надменным рассеянным взглядом, в котором вдруг пропала надменность.

Взор ее пленительных глаз из рассеянного постепенно концентрировался, прояснялся и наполнялся неведомой силой. И – ровно как вспышка молнии озарила их лица. Ошеломленная Лера отпрянула назад – на интеллигентном фэйсе случайного знакомца, там, где брови сходились к тонкому носу, снова увидела две маленькие роковые родинки, которые соседствовали рядом! Одна из них чуть больше была ближе к переносице, другая – поменьше – чуть выше. Родинки были точно такие же, как на пенисе дуралея Славы, как на носу у породистого Веэв. Три совпадения – роковая цепочка замкнулась! Снова найдена точка приложения сил. Лера воспрянула: теперь-то она определенно поняла, что предстоит сделать, в чем заключается новый поворот судьбы. И зачем она вообще пришла в офис ООО «Ураниумспецсервиз».

– Как тебя зовут, дружок? – спросила она весело.

– Вася. Э-э... Василий Петрович! Вот как.

– Оставим этих Петровичей лет на десять, хотя ты и старше меня на столько же лет или, точнее, на восемь. Угадала? (Вася удивленно согласно мотнул головой)... Сначала сказал правильно: ты – Вася, так пусть и будет. Я – Лера. Ты хочешь... – Она на мгновение призадумалась, припоминая, что не далее как вчера видела такой же серый костюм в бордовую полосу у стенда, на котором размещают афиши и

прочие анонсы выходного дня, и на одной из афиш она мельком коснулась крупного заголовка «филармония» и тут же скривила губы. Да-да, как раз напротив стоял такой же серый костюм в бардовую полоску! – Хочешь составить мне компанию сходить в филармонию на симфонический концерт?

– Вы слушаете классическую музыку? – с растущим удивлением произнес Вася.

– А что?! Разве по мне видно другое?... – она сделала многозначительную паузу, отступив на шаг назад и являя себя на его обозрение. Она проделала несколько пассивных движений рукой, выгнула спину, словно потягиваясь и разминая мышцы производственной гимнастикой, и оголила прелестную легкую выпуклость живота – это длилось секунды. – Я частенько раньше бывала на концертах... разных... С подружкой мы хаживали. Теперь она мамашкой стала, и ей недосуг... Так что там анонсируют? Моцарт?

– Нет. Сен-Санс. Второй концерт для фортепиано с оркестром.

– У-ууу! Wow! Замечательно... Фортепиано!!! Оркестр в нагрузку?... Мне нравится фортепиано – это точно! Оркестр переживу... Так идем или нет?

– Разве таким девушкам можно отказать?! Идем, если это ваше искреннее желание.

– А какое еще? Я все делаю искренне... или почти все. Но, чтобы ты что-то там склизкое и нехорошее не подумал, – как в том анекдоте про пианино, мол, за что ни возьмись – одно

и то же получается, – будто бы клеюсь, тыры-пыры в этом роде... Билеты покупаешь ты, трансферт – мой. Мне просто удобнее идти в компании с интеллигентным молодым человеком и, думаю, тебе тоже. Одной надоело ходить: мужики головы сворачивают, клеются, раздражают, мешают... надоело отшивать их! Понятно объяснила?

– Безусловно! Не думал о такой спутнице и не мечтал.

– Какой – такой?! Мы можем быть только друзьями. В любовь я не верю. Любви нет. Ты давай, дуй за билетами. Комнату мою заприметил? Заходи, покалякаем о том, о сем. В телефон загрузишь мой номер. Правда, я там не одна, с Веэв... ну Владимиром Владимировичем. Да нам все равно.

– Вам повезло с напарником. Владимир Владимирович – ведущий инженер, он много сделал для функционирования электронной системы обеспечения производства. И многое другое...

– Мне всегда везет. Потому что я этого хочу.

На концерт Вася и Лера выехали сразу после работы. У Леры была красная новенькая «Мазда-6», которая так и взбрыкивала от легких прикосновений к акселератору, норовя рвануть в запредельную даль. Жили они в небольшом городке в семидесяти километров от Е-бурга (не путать и не проводить аналогии с е-мобилем; название прекрасного города сокращено в народе из-за экономии языковых средств сразу после переименования) – центрального города Сред-

него Урала, и не только его. Сам городок, откуда они гнали по добротному шоссе, был отнюдь не провинциальная захудалая дыра – это был некий наукоград с наукоемким производством на берегу живописного озера с протяженностью акватории в сорок километров.

Вася с опаской поглядывал на спидометр: стрелка порой клонилось вправо до критических отметок, и, наконец, урезонил:

– Ты всегда так быстро едешь? Мы вообще-то успеваем.

– Я не смотрю на спидометр, а еду по дорожной ситуации, по ощущениям управляемости. Смотрю на стрелку, когда запищит антирадар. И успеваю сбросить скорость до встречи с сине-зелеными братьями.

– Рисковая ты!

– Нисколько не рисковая. Все просчитано, обосновано и под контролем. Расслабься и получи удовольствие от быстрой езды. Вот сейчас мы взлетим на пригорок, а дальше достаточно резкий спуск, чтобы появилось ощущение, как будто проваливаешься в воздушную яму. Не успеет пройти это ощущение – снова подъем. Снова пологий склон, на который будем взбираться, резко ускоряясь. На вершине убираю ногу с газа и ставлю на нейтраль – машина летит, как перышко. Я иногда ору от удовольствия! Хочешь, попробуем вместе? Дорога сухая – можно разогнаться до офигенной скорости, взлететь на гору, как на трамплин, а дальше ощутить ускорение свободного падения... Чего молчишь? Что, драйв – не

твоя стихия?

– Если в нем нет смысловой подоплеки, то зачем? Просто получить острое ощущение?

– Да! Я живу ощущениями. Возбуждение, полет, релаксация, сон, потом снова стряхнуть оцепенение.

– Это хорошо, когда нет глобальной цели.

– А что, у тебя таковая есть? Ну, ты вообще удивляешь!

– Она есть у каждого, однако мы понимаем это слишком поздно.

– Фу, какой ты умный! Если хочешь поумничать, расскажи что такого глобального у Сен-Санса, кто он вообще в плане музыки. Я-то на Моцарта больше западаю! – она хитро улыбнулась.

– Это с удовольствием. Значит, так. Родился Сен-Санс в Париже в начале октября 1835 года, а в конце декабря этого же года умер отец. Малютка, значит, остается на руках двадцатишестилетней матери и двоюродной бабушки. Эти две женщины, взявшись за его воспитание, вложили в него, пожалуй, всю свою нежность, нерастраченную и неутоленную жажду любви – это трансформировалось в гармоничный и стойкий характер будущего неординарного человека. Причем, обе женщины были связаны с искусством: мать – художница, бабушка – пианистка. Мальчик рос хрупким и болезненным, и был «чудо-ребенком». Вундеркиндом по-нынешнему. На третьем году жизни бабушка научила его играть на фортепиано, а в три с половиной года малютка стал сочинять

собственную музыку. И сочинять – потому что был наделен абсолютным музыкальным слухом. И многое, как оно звучит ему, видимо, не нравилось или озадачивало. Например он, малыш, мог усесться у чайника и услышать во вскипании воды бездну новых звуков, полифонию музыкальных инструментов, а в симфоническом оркестре услышать фальшь – и так во всем. Самые разнообразные интонации жизни становились интонациями музыки. В возрасте пяти лет был представлен знаменитому художнику Энгру, который оказал на него, как утверждают биографы, фундаментальное эстетическое влияние (это штрих к тому, как красота может управлять миром). По мере развития дружбы стареющего художника и юного композитора, художественное кредо Энгра легло в основу музыкального кредо: в двух словах, это основополагающий стержень линии и рисунка уже в музыке в многозвучном колорите окружающего, находящегося в подчинительном отношении. В отличие от импрессиониста Делакруа. Помимо музыки, у мальчика был живой интерес к естествознанию. Он собирал насекомых, растения, сопровождая коллекцию собственными рисунками, выращивал цветы, гусениц, наблюдал в бинокль фазы луны. В возрасте восьми лет отдали в обучение фортепианной игре известному пианисту и композитору. Итогом трехгодичного обучения стал большой концерт в знаменитом парижском зале – успех был колоссальный, подхваченный и развитый прессой, и стал началом концертной карьеры, дошел до королевского двора

и состоялся концерт «ребенка-виртуоза» в Тюильри, где заслужил хвалу от высшей аристократии. Кстати, предки Сен-Санса – крестьяне. Его дед был мэром, смешно сказать, деревни... Вопрос, до сих пор нерешенный: «Где корни аристократов духа?»... В возрасте тринадцати лет Сен-Санс поступил в Парижскую консерваторию в класс органа Бенуа. После пяти лет успешной учебы получает место органиста в небольшом храме на берегу Сены. В этой должности пробыл снова пять лет, отдавая все это время самообразованию и профессиональному совершенствованию... Все биографы Сен-Санса отмечают, наряду с громадным дарованием, и феноменальное трудолюбие. Его дарование признают и напутствуют на большее Аист, Берлиоз, Гуно. Затем, в связи с отставкой органиста храма св. Магдалины, Сен-Санс был приглашен на эту должность и занимал ее двадцать лет. Этот храм расположен в центре Парижа, недалеко от площади Согласия, и в то время был самым светским, роскошным и посещаемым. Соответственно, материальное положение композитора качественно улучшилось. Он купил отличную подзорную трубу и стал наблюдать за небесными телами из окна новой просторной квартиры, и это вызвало много кривотолков о «странном» увлечении композитора и органиста. Игра на органе приносила много радости. Он не вкладывал в строгие импровизации религиозной экзальтации, но увлекался и увлекал стилистическими возможностями органной музыки, делал «невозможное возможным» – это слова Ли-

ста, который также назвал его «первым органистом мира». Но, тем не менее, сочинял Сен-Санс светскую музыку. Вот тут и следует остановиться на Втором фортепианном концерте, как на одном из самых популярных сочинений. Эту музыку можно переводить на наш естественный язык так же, как переводят книги с одного языка на другой. И, если это сделать, то получится примерно так: начало концерта вводит в скорбные и суровые размышления о некоем довлеющем роке, о жажде отринуть его и вырваться, перебороть. Но что-то не получается, все больше скорби слышится как в величавых органных фугах, так и в робких наигрышах точно закомплексованного соло. Но потом, словно проблеск фантазии, идут один за другим виртуозные пассажи фортепиано, меняя тональность и выбивая нас из прежнего настроения. В противовес идут с разгоном тяжеловесные басы и аккорды первой темы. Начинается переключка фортепиано и оркестра, как точно – борьба светлых и темных сил. Здесь потрясает грациозность отдельных фрагментов и мощь органной темы в полифонии оркестра... И совершенно неожиданно начинается стремительный и легкий взлет, идут друг за другом яркие пассажи совершеннейшей техники пианизма. Это захватывает и уносит от так же притихшего, словно изумленного оркестра, от смелого соло, потрясающего и техникой исполнения, и музыкальной эрудицией, и эдаким звоном и жужжанием серебряных звуков, складывающихся в победоносную гармонию. Однако оркестровые гаммы перебивают

изящное соло. Идут тембровые переключки, перебивка литавр, смена ритмов, фактуры, выказываются оркестровые оттенки, словно перекликаются и набирают силу те самые темные силы. И соло как будто тушется. Та роль, что отведена как драматическому персонажу, снова возвращает к трагическим нотам и стихает, – слышим одну могучую полифонию оркестра. Казалось бы соло навеки задавлено, захвачено и подчинено с отведением четкой роли в оркестровом звучании. Яркой индивидуальности больше нет, она раздавлена – вопреки всему стремительная тарантелла вырывается из сухого блеска оркестра, еще быстрее упругое соло уносится к обрисованной фантазии, которая обретает все более ощутимые черты. К солирующему фортепиано благолепно наслаиваются звуки деревянных, валторн, присоединяются струнные – теперь фортепианное соло дирижирует: все инструменты подстраиваются под него. Само фортепиано мощными ударами аккордов, подхватываемыми духовыми инструментами, воспринимается как колокольный благовест, и начинается веселый праздник, в котором нет и следа первой скорбной темы... Ну, вот, это если вкратце о Сен-Сансе и о Втором фортепианном концерте, – Вася повернулся и внимательно посмотрел на Леру.

– Ты увлек незнакомой темой, дружок! Ты говоришь интересно – проверим: так ли на самом деле... Знаешь, у тебя приятный голос: тембр, интонация, спокойствие и мягкость, но я чувствую, что у тебя есть сильная воля... хотя она чем-

то скована, ты не проявляешь себя до конца. Мне это становится даже очень интересным. Скажи, откуда у тебя такие познания в музыке? Ты, случаем, сам не музыкант?

– Немного играю на гитаре. Знаю нотную грамоту. Музыку люблю, ну и, соответственно, интересуюсь творчеством тех, кто в этом гениально преуспел. Как говорится, уж если за что-то братья, так за лучшее.

– В том числе и за девушек, не так ли? – она озорно улыбнулась. – Есть у тебя девушка?

– Была...

– Что значит – была? Умерла, убили?

– Нет. Просто пропала. Разошлись дороги. Даже не знаю, где она сейчас.

– Не беда: дороги сходятся и расходятся, и даже параллельные линии пересекаются... Забыть никак не можешь?

– Не могу.

– И правильно. Ничего нельзя забывать. Но и путать прошлое с настоящим тоже нельзя.

– Это в каком смысле?

– В смысле: очнись на мгновение, ведь оно прекрасно и больше не повторится! – Лера потрянула волосами, и ее аромат окружил Васю, проникая во все его щелочки.

В фойе Филармонии было многолюдно. Лера взяла Василия под руку, и они стали неторопливо прохаживаться в сверкающем свете старинных хрустальных люстр по широ-

ким вестибюлям, устланными немислимо антикварными на вид ковровыми дорожками. Стены в резных канделябрах, подобие колонн вносило оттенок помпезности и значимости творимого здесь действия. Художественно исполненные стенды, повествующие о музыкальной жизни с царских времен и поныне, рождали странно волнующее ощущение причастности к этой высшей духовной ипостаси – музыке, пронизывающей все времена.

– Слушай, здесь интересно, – восторженно обмолвилась Лера. – На мой взгляд, это клубное сообщество. Очень много сар и абрамов. Смотри, многие здороваются вежливым поклоном. Какие-то короткие разговоры, улыбки. Смотри, у большинства дам настоящие драгоценности! Вон та ходит с бриллиантовым колье... А какие шикарные платья! Это что, парад мод? Приехали себя показать, проветрить дорогие наряды. Что же ты раньше не сказал, я бы оделась в вечернее платье получше.

– Разве может быть еще лучше? – Вася искренне удивился и, приостановившись, окинул взглядом свою спутницу. В легком, как туника, голубом одеянии она, казалось, вышла из гримерной волшебницей-феей. Вышла поискать, на кого бы обрушить свои чары. Густые волнистые волосы пепельного цвета стекали далеко по спине, подчеркивая наготу хрупких плеч и тонкой изящной спины. Вспыхивающий огонь в ее магических глазах сопровождался трепетом наполовину обнаженной, напрягшейся в сладостном предвкушении, вы-

сокой девичьей груди. Плавная поступь стройных ног была умопомрачительно грациозна, словно шла она по раскаленным углям мужских взглядов.

– Ты – красивая... бесподобно!

– Я могу быть еще красивее! Положи руку мне на талию. Мне так приятнее, да и глазеть на нас будут поменьше. Мы будем как влюбленные... хотя я в любовь не верю!

– Почему? Я напротив – верю.

– Я допускаю любовь с первого взгляда, как исключение. Потому что в этом случае любовь приходит неожиданно, как дар свыше, и раздумывать некогда и нельзя. Разные там ухаживания, цветы, встречи-провождения говорят лишь о том, что время упущено, что идут поминки по любви, но никак не ее развитие. Или говорят о том, что люди привычкой приучают себя друг к другу. Это скучно, это не любовь...

Был дан второй звонок, и Вася препроводил Леру в зал. Под аплодисменты вышел дирижер, и началось то самое музыкально-театральное действие, о котором в стремительном автомобиле увлеченно рассказывал Вася.

Лера слушала с обостренным вниманием, с каким-то милым сосредоточением. Ей самой хотелось что-то понять и уяснить в музыке, которой полтора века. Она горячо аплодировала и несколько раз крикнула «браво». Было все так, как рассказал Вася. Классическая музыка – точно книга символов, бездна знаний и знаков высших истин.

После заключительного аккорда, когда все еще звенели

фанфары праздника, полный зал в поразительном единодушии подхватил жизнерадостную концовку собственным ураганным аккордом бьющихся друг о друга ладоней, и мощная волна ликующих возгласов волнами кружилась по залу, набирая силу, и затем лавиной неслась на сцену. Лера вдруг поцеловала Васю, отстранилась, улыбнулась и сказала, как могла громко:

– Спасибо!

В машине Лера пояснила благодарный поцелуй, откинувшись на спинку сидения и устроившись в его правильную и тщательно подобранную ортопедическую форму:

– Если бы не ты, я бы не пошла на подобный концерт. У меня были другие стереотипы понимания классической музыки. Я рада, что ошибалась: это не скучно. Но здесь надо думать, что-то интуитивно соображать.

– Тебе противопоказано думать и размышлять в нерабочее время?

– Смеешься?! Считаешь, если шпильки на туфлях в десять сантиметров, значит, мозги куриные?

– Да нет же! Хотя это удивительно.

– Кстати, поддержи эти туфли. В машине я одеваю другие, для удобства управления: мы же поедем быстро! Можешь засекать время: ровно через полчаса ты будешь стоять у дверей своей квартиры. В бардачке пакет – туфельки положи в него, а мои коронные кроссовочки всегда под моим сидением... Так что из стильной красавицы я сейчас превращусь...

сейчас превращусь... думаешь – в кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.